

Дмитрий РАСКИН

Дмитрий Раскин родился в 1965 году. Учился в Горьковском пединституте, кандидат культурологии. Автор нескольких книг стихов и прозы, в том числе «Борис Суперфин» (М.: Водолей, 2017) и «Маскарад миров» (электронная книга, Международное издательство Стрельбицкого, 2017, лауреат международного литературного конкурса «Генератор фантастики»). Публиковался в сетевом журнале «Артикуляция», литературном альманахе «45-я параллель». Живет в Нижнем Новгороде.

ТЁТЯ КЛАВА И ЛЁВА БРИЛЛИАНТ

Рассказ

Клавдию Степановну уважали все. Сдержанная, немногословная, знающая себе цену, работающая. Да что там «работающая»! Вкалывала всю жизнь без продыху. Лёве всегда было как-то неловко перед людьми тяжелого труда. Его ведут за ручку домой из школы мимо рабочих, что отбойными молотками долбят, вскрывают асфальт. Дома его ждет стакан какао, а они так и будут бить своими страшными молотками до самого вечера, и даже если пойдет дождь. Лёве стыдно. При первом его знакомстве с Клавдией Степановной, Леночкиной мамой, это детское чувство стыда всплыло вдруг. Удивился сам.

Клавдия Степановна, после того как Лёва с Леночкой расписались, просила зятя называть ее тётей Клавой – понимала, что неправильно требовать с него «маму» или же «маму Клаву», мама у него одна. Лёва оценил. Так вот, тётя Клава была не по годам бодрой и крепкой, как сама она говорила – «шустрой», но Лёва знал от Леночки, что есть уже кое-какие проблемы с сердцем. «Не сможет моя мамочка без дела. Она из тех, кто и на одре будет думать о том, как бы не померзла в майские заморозки наша только-только распустившаяся вишня, и о том, что надо прибить какие-нибудь распорки, укрепляющие каркас самого “одра”», – Леночка гордилась мамой. Только в гордости этой была и немалая доля снисходительности «образованной» дочери (Леночка первая у них в роду, окончившая университет) к своей маме «из простых».

Борису Львовичу и Доре Марковне, родителям Лёвы, Клавдия Степановна понравилась едва ли не больше, чем сама Леночка. К Леночке они отнеслись доброжелательно, но все-таки сдержанно: «Приятная девушка. Скромная. Чего еще надо? – читалось на их лицах. – Все остальное? Жизнь покажет». После затянутого и, скажем так, весьма драматичного романа Лёвы с женщиной на девять лет его старше, женщины, опять же, скажем, не без странностей, им хотелось для сына чего-нибудь обычного. Они верили в надежность и в правоту смыслов обыденного и обычного.

Леночка боялась знакомства с его родителями, боялась страшно. Лёва ее успокаивал. Ему было непонятно, как это его родителей можно бояться? А то, что Леночка боится, ему почему-то было приятно. Мама, Дора Марковна, почувствовав робость Леночки, как-то сразу нашла слова и ее поддержала. Насколько она могла быть бесцеремонной и грубой со своими, настолько у нее получалось тактично и проникновенно с теми, кто вне семьи... Клавдию Степановну родители Лёвы поняли сразу. Поняли и оценили. Борис Львович, как только они остались одни, в своей полушутливой манере, имея в виду именно тетю Клаву: «Поздравляю, сынок, кажется, ты попал в хорошие руки». Лева всегда ценил остроумие отца, но мог бы его ценить еще больше, если б папа не имел привычку повторять понравившуюся шутку множество раз. Впрочем, сам Лёва здесь не слишком-то далеко от него ушел. Затем родители начали о том, что Лева человек бедный, а бедному в наше время рассчитывать на брак и не

приходится. (Бедному не приходится рассчитывать вообще ни на что!) А тут семья еще беднее, непритязательная, и это залог семейного счастья Лёвы с его-то учительской зарплатой. Лёва согласен, но неприятно немного, что родители не могут смотреть на Леночку его глазами: то, что его умиляло в ней, ими просто «принималось к сведению». А то, что не слишком-то умиляло... отец, кажется, понял его, сказал – это норма, это жизнь, просто не надо мечтать непонятно о чем, самому спокойнее будет. И Лёве действительно стало спокойнее. Он сам удивился – оказалось, он «беспокоился», был не уверен?! Точнее, смущен. Но он же определился. Он же любит!

Два года спустя он поразится, до какого отвращения друг к другу они с Леночкой дожили.

Военное детство тёти Клавы, послевоенная юность. Как появилась возможность, вырвалась в город. Училище, чтоб стать маляром-штукатуром. Жила в общежитии. Потом общежития строителей. По ночам лазили парни с химфармзавода, те, что там были «на химии». Страшно, конечно. Надо смотреть, чтоб не ограбили, не избили или чего еще похуже.

С Саней своим познакомилась на танцах, сразу ей глянулся: красивый, стройный такой. Свадьбу сыграли почти что сразу. Комната в семейном общежитии. Зарплата у него хорошая, он токарь на «почтовом ящике». Все как у людей. Кроме одного. Кожа у нее, *та самая*, оказалась тонкой. И Саня не поверил в ее невинность. Как он злился! Как над нею куражился! Она уговорила, чтоб он сходил с ней к гинекологу. Докторша была хорошая, все ему объяснила. Он вроде бы успокоился. А потом все заново, может, даже и злее, тяжеловеснее. Вбил себе в голову, что она договорилась с врачом.

Повез ее к своим, в деревню, знакомить. Тётя Клава однажды подслушала, как мать наставляла Саню: «А ты ее побей». Только Саня и без материнских советов здесь разобрался, он *уже*.

Не доверял ей годами, попрекал, материл при всяком удобном случае, при каждом скандале. И уж само собой, по пьянке. И руки распускал. Все силы, всю душу ей вымотал. А что сделаешь? Надо терпеть. С самого детства знала, *жизнь надо терпеть*. С детства жила с крепко сжатыми желваками.

Он, бывало, ночью ляжет на нее, делает свое дело, она знает, что он не хочет ее, себя принуждает, но делает. Зачем? А как кончит, бывало, начинает упрекать за то, что тогда, в юности, обманула его (не может простить обмана!), была не девственной (в переводе с матерного так). Но хорошее у них в жизни тоже было.

Первая беременность закончилась выкидышем, во второй раз ребенок родился мертвым, потом долго не могла забеременеть, уже не надеялась даже, видно оставила женское свое здоровье на стройках, на сквозняках, и вот Леночка.

Наконец получили квартиру, у Саньки в «почтовом ящике» очередь подошла. На самой окраине, но квартира хорошая, две изолированные комнаты, она о таком и не мечтала.

Вваливала у себя на стройке, вечерами, в выходные и в праздники калымила на ремонте квартир, и все равно денег не хватало – вот у Леночки даже рахит начался, врач говорит от плохого питания. Если б Санька меньше пил, было б полегче с деньгами. А ведь одеть-обуть Леночку надо и квартиру обставить надо! Чтобы все как у людей, чтобы все, как положено, чтобы правильно...

Санька пил не запойно все ж таки, но тяжело, и допился – умер еще не старым. Тётя Клава поняла вдруг, что она этого и хотела, этого и ждала.

На кладбище с воем бросилась за ним в могилу, прямо на крышку. Видела, людей проняло. Эта смесь радости освобождения, страха перед начинающейся новой жизнью, усталости от прожитого, сознания, что радоваться не принято, стыдно – а прыгнула за ним, на крышку, и как-то все проще и легче стало, она вдруг стала права.

Леночку поднимала тяжело, но подняла вот, выучила. Дочка окончила университет, теперь в библиотеке. Платят, конечно, гроши, но зато работа легкая. Ее дочь теперь в жизни ничего тяжелее шариковой ручки не поднимет. Она, Клава этого и хотела. Все сбылось.

Тетя Клава вышла на пенсию, как раз в те годы, когда на пенсию прожить уже было нельзя. Но у нее сад и огород, целых двенадцать соток. От отца осталось. Так что с голоду не помрут. Ей удается даже продавать немного картошки. В городе торгует, у себя же в районе, на автобусной остановке.

Когда Леночка сказала, что, *может быть*, она выйдет замуж за еврея, тетя Клава одобрила. Евреи (она часто делала ремонт в еврейских квартирах) люди положительные, мужчины у них заботливые, непьющие, только в квартире всегда беспорядок, в общем, дай-то бог! Что же, выйдет Леночка за хорошего человека, чего еще надо?

Она давно уже мечтала о замужестве дочери, но все почему-то никак. Тетя Клава боялась жизни и подозревала ее во враждебном замысле против нее, Клавы. Она вряд ли смогла бы выразить это словами, но здесь и не нужны слова – это из нутра, из глубинных каких-то пластов, и непоколебимо. Ну и, конечно, здесь весь ее жизненный опыт... Жалость к самой себе и сознание собственной правоты, правоты проживаемой жизни, правоты своего уклада были, пожалуй, главным содержанием ее любви к самой себе. Той любви, о которой вряд ли кто догадывался. Да и не зачем тут догадываться! А то, что она права, тому есть доказательства – у нее же все получается, она всегда добивается своего. Быстро ли, медленно, но добивается. И не нужны никакие доказательства! Когда она вдруг начинала бояться жизни сильнее, чем обычно, или же ей что-то очень уж надо получить от жизни – шла в церковь, ставила свечку.

Тетя Клава боялась за дочку. Как бы Леночка не учудила чего до свадьбы, как бы все не испортила. От таких хороших парней нос воротила, все ей чего-то такого-этакого хотелось. Кажись, нашла. Не хватало только сейчас по глупости потерять такого хорошего Лёву! Дочку она, сколько бы та ни чванилась перед ней своим образованием (тетя Клава не обижалась), считала непрактичной, балованной (понимала, что сама же и избаловала), не приспособленной к жизни. Ну, да ничего, она, тетя Клава все возьмет на себя, наладит их быт, и Ленку-дуреху будет держать в узде, не даст ей распускаться, не говоря уж о том, чтобы обижать Лёву. Все будет хорошо.

Стали жить в его квартире. Лёве осталась от деда однокомнатная в самом центре, но очень уж маленькая. Тётя Клава приезжает к ним по утрам, пока Лева и Леночка на работе (у нее свой ключ), готовит, убирает, стирает, исчезает до их возвращения. Вечером по телефону спросит у Леночки, что приготовить завтра, что сделать по дому, Леночка дает задание, смеется в трубку: «Ах ты наша мамка-самобранка». Лёве неловко, конечно, тем более что тётя Клава ездит к ним каждый день, да еще и через весь город. Но и отказаться от такого сервиса он не может. В общем, как-то сама собой возникла мысль, что им надо съезжаться. Ленка и тётя Клава не возражали. Тетя Клава сначала оробела несколько, еще бы, сниматься с насиженного места, но понимала, что надо... так будет лучше для всех.

Борис Львович дал сыну доверенность на свой «жигуль», или как он еще его называл, вкладывая в слово максимум сарказма, «мерседес». Сам он давно уже не водит, а у Лёвки права, да и неплохо увеличить капитализацию сына в этой семье. Шутка отцу так понравилась, что он раз за разом находил предлог, дабы позвонить тёте Клаве и повторить остроту, посмеяться. Тётя Клава сделала вывод, что ей тычут в нос благодеянием. Сама она Лёве ничего не сказала (она действительно очень сдержанная), но Леночка передала, не без насмешки над мамой. «Ой, Львенок, смотри, что получается, – смеется Леночка, – хотела честно выйти за тебя по любви, а вышла-то по расчету – у тебя же квартира, а теперь еще и машина. С ума сойти!»

Позже, недоумевая, как он мог полюбить и *что* он, собственно, в ней любил, Лёва вспоминал этот ее экспромт. Две-три черточки обаяния, две-три девичьи ужимки, живость характера, девичье очарование, самое первое, ранее... и этот ее смех, ее простодушие и незащищенность – и за всем за этим угадываются, как само собой разумеющиеся, легкость характера и душевность. Только довольно быстро выяснилось – не было вовсе ни душевности, ни легкости даже.

Чистота и наивность, разве этого не недостаточно, чтобы он влюбился? Принял ее застенчивость за чистоту? Ее робость и неуверенность в себе – за глубину душевной жизни? И, конечно же, это ее восхищение им. Она восхищалась Лёвой как «талантливым педагогом», «творческим, ищущим филологом» (он организовал в одной школе гуманитарный класс, и она ходила к нему на уроки), как «многообещающим ученым» (он начал писать диссертацию и кое-что еще). Похвалы ее были выпренны, часто слащавы: «будущий гений», «обостренная совесть» слетали с ее губ как-то сами собой. Лёву коробило, но он объяснил себе так: «Неумелое проявление искренних, добросердечных чувств. Надо быть терпимым. Главное, что чувства искренние, а мера и вкус к ней придут. Нужно время просто». Сие объяснение успокоило его совесть. К тому же здесь он сознавал себя мудрым, все принимающим, каким еще?

О любви к нему она говорила много, проникновенно, страстно. Ему было даже неловко, он вот не может любить ее в той же мере. Получается, он обманывает ее? И, опять же, ее стиль, ее пафос и сентиментальность. Но Лева уже все объяснил себе насчет стиля. Нельзя же упустить *главное* в ней из-за нелепости формы.

Она слабая, незащищенная, а он... получается, что он, стилем сказать, «соблазнил». А услужливый язык подсказывает штамп «соблазнил и бросил». Это чувство вины перед ней возвышало Лёву в собственных глазах. И маму ее тоже как-то было жалко, он не знал ее биографии (Леночка не рассказывала), но многое угадывалось.

После тех его отношений со «взрослой женщиной» ему хотелось быть главным, он собирался заботиться и покровительствовать...

Эта смесь девичьего обаяния, его, Лёвиного, предвкушения будущего, его неуверенности в собственных силах, его самовлюбленности, весьма лестного для него самообмана, просто глупости, наконец, и есть любовь? Он догадывался, что его любовь незрелая, сентиментальная, но она разовьется, станет подлинной, он дорастет до подлинности.

Были у него и не очень приятные для него самого соображения: Леночка с матерью будут ценить, будут ему благодарны. И еще одно обстоятельство: у Лёвиной мамы под влиянием, скажем так, возрастных изменений испортился характер, она провоцировала Лёву, скандалила, он был к ней беспощаден, потом его мучила совесть, потом опять на нее срывался – нужен был какой-то выход. С родителями он уже жить не мог. А жить в дедушкиной квартире и самому вести хозяйство? До встречи с Леночкой он уже не исключал и такой вариант.

Что еще настораживало в ней, она была вспыльчива, можно сказать, гневлива, чуть что – лицо красное, возмущенный голос, в глазах слезы. Но потом так трогательно смеется, иронизирует над собой.

Представляя его своим подружкам, говорила так: «Левчик у меня маленький (Лёва вообще-то был среднего роста), довольно тщедушный, видите (!), и с носиком, особенно, если в профиль, но я выбрала его за потрясающий интеллект и за богатый внутренний мир». Лёве делалось кисло, но он был великодушен и влюблен. К тому же Леночка говорит это не для того, чтоб подчеркнуть его изыяны, это она так намекает подружкам на собственную одухотворенность. Леночка недоумевала, смеялась: «Я так расхваливала тебя, чего тебе еще надо?» «Ну да, это ж какой надо быть необычайно возвышенной, утонченной, обладающей редкой, можно сказать, повышенной одухотворенностью, чтобы выбрать такого Квазимодо как я», – отшутился однажды Лёва, когда они вернулись из гостей домой. Леночка трогательно иронизировать над собой не стала, а налилась

красным, и голос возмущенный, и в глазах слезы. Пройдет немного времени, и Лева поймет, все, что говорит Леночка – все для того, чтобы доказать эту свою «повышенную одухотворенность».

Леночка демонстрировала друзьям свою новую фамилию как модное платье. Она теперь Леночка Бриллиант. Ей казалось, что это как псевдоним артистки или же светской львицы. Впрочем, в какой компании этой фамилии надо стесняться, она тоже знала.

Леночка делала вид, что «совсем не разбирается в деньгах», путается при расчетах. Это ее смешило и умиляло. Лёва не сразу понял, Леночка видела в этом доказательство собственной интеллигентности. Она-де выше денег, «неотмирна», как и положено подлинно интеллигентному человеку, в высшей степени непрактична... Это кольнуло его, конечно, но он нашел для себя какое-то оправдывающее ее объяснение, постарался.

Квартирный обмен у них получился на удивление быстро. Им даже удалось съехаться в четырехкомнатную квартиру. (Пусть и в панельном доме, Лёве все равно.) Зала стандартная, метров семнадцать, но квадратная и потому кажется больше, чем есть, и очень уютная. Из нее две двери в маленькие комнаты. И одна крохотная, семиметровая изолированная, это для тёти Клавы. Лёве, что всю предыдущую жизнь жил с родителями в двухкомнатной хрущевке, все это казалось невысказанной роскошью. Квартира не в центре, конечно, но и не слишком далеко, в приятном спальном районе. Леночка с мамой прожили на пролетарской окраине среди алкашей и гопников. Лёва думал, что они будут счастливы, но они были только лишь *несколько* рады. Тётя Клава сразу же сказала: «Будем делать ремонт». Зачем? Квартира в хорошем состоянии, можно только испортить. Ему не до ремонтов сейчас, у него уже два гуманитарных класса, а вместе с диссертацией он теперь пишет цикл эссе, чувствует, еще немного – и у его разрозненных текстов появится некий сюжетный стержень. «А сколько ты на семью заработаешь своей писаниной?» – спросила тётя Клава.

Насчет ремонта Лёву просто не поняли. Будто он спросил: а зачем заводить ребенка? И начался ремонт.

Ремонт, насколько понял Лёва, был для них вещью совершенно метафизической и не нуждался в обоснованиях. Даже сакраментальное «чтобы было как у людей» звучало всего лишь как достаточно плоская рационализация.

На новоселье пригласили брата тёти Клавы Колю. Точнее, «новоселье» было устроено специально для него. Дядя Коля был автослесарем и всегда смотрел на свою сестру свысока. Он богаче, он благополучен. К тому же были и старые обиды на тётю Клаву, он недоволен, как их отец поделил между ними наследство. В деревне их участки через забор, но он не помогал сестре. А в тех случаях, когда не помочь все же было нельзя, делал это настолько высокомерно... И «новоселье» было неким триумфом тёти Клавы, ибо эта квартира рангом выше того, что было у брата Коли. Ее реванш по итогам прожитой в соперничестве с братом жизни.

Дядя Коля и его жена Шура квартиру оценили, приняли свое «поражение» сдержанно, с достоинством. (Тётя Клава усмехнулась про себя над этой их сдержанностью.) Шура принялась восхищаться Лёвой, мол, какой молодец, захотел съехаться, вложил свою жилплощадь, без его квартиры в центре вообще ничего бы не получилось. То есть тёте Клаве дают понять: они знают, что это не совсем ее квартира, это, прежде всего, квартира детей. А комната – правильно, что она выбрала себе самую маленькую. Правильно-правильно, чтобы деток не стеснять, чтоб не мешать им жить. Мы же деткам не очень-то и нужны, а тут как раз, между кладовкой и туалетом. Теперь уже тёте Клаве пришлось демонстрировать непроницаемость и сдержанное достоинство.

За столом Дядя Коля говорил о деньгах. И не потому даже, что денег у него больше, чем у Лёвы с тётей Клавой. Просто он не мог говорить ни о чем другом.

Только гости ушли, Леночка принялась изображать их в лицах. У нее хорошо получалось, Лёва умилялся. Высказалась насчет эволюции взглядов дяди Коли на «соотношение морали и денежных знаков». Так их Наташка получилась красавицей, во всяком случае, по меркам того пролетарского района, в котором они живут. Год назад приезжает жених, двадцать пять лет, на белом мерседесе. Дядя Коля с тетей Шурой в ужасе: «Ой! Он, наверное, рекетир. Подальше от него». А в этом году другой жених, и машина черная, «бумер». Бритый затылок, кожаная куртка, ну и еще ряд аксессуаров, демонстрирующих принадлежность к субкультуре. Дядя Коля с тетей Шурой бодро: «Есть у человека деньги, и слава богу. А откуда – не наше дело». А сын у них, Саша, хороший, даже странно для такой семьи. У него свое дело, и они с Оксанкой после рождения дочки от родителей съехали, снимают квартиру, наверное, скоро купят свою, если только дядя Коля не врет, насколько у Саши хорошо идут дела. Затем Леночка начала о том, что вот Шура так хвалила Лёву, так ему улыбалась, а маме нашей говорила, проникновенно, участливо так: «Вы там поосторожнее с евреями. Как бы не обманули. Это такая нация, точно придумают, как надуть, и глазом не моргнешь». Леночка мило передразнивала «природный антисемитизм тети Шуры».

Когда Лёва первый раз отвозил тётю Клавю в деревню на своей машине, теща гордо смотрела по сторонам: видят ли соседи – она на машине.

Как это началось? Лёва не сразу заметил. Но чувство голода после завтрака стало возникать все раньше и раньше. Вот он уже и до школы своей не успел доехать, а уже есть хочется. Удивленный он спрашивает тётю Клавю, та как раз подает ему утреннюю его тарелку манной каши. Леночкина мама покраснела, чувствовалось, что она и обиделась и засмутилась. Извини, говорит, Левочка, не рассчитала. После чего калорийность завтрака повысилась. Но уже через пару недель все повторилось – Лёве становилось голодно где-то уже через час после еды. Леночка сказала, что это нормально, у нее тоже самое. Просто надо немного подождать – и чувство сытости появится. Кстати, это очень полезно для здоровья. Тем более, что он ведет свои уроки так вдохновенно, что вряд ли вспомнит о легком голоде. Он же Учитель, он же Ученый, и высшее наслаждение для него – откровение творческого духа... Лёва умилился, обнял ее. Но проблема так и осталась. Вскоре состоялось *объяснение*. Тётя Клава призналась – да! она разбавляет кашу, чтобы уменьшить расход манки, овсянки. Посмотрев на лицо Лёвы, перешла в атаку: «Потому, что мы бедные! Потому, что денег нет! Потому, что Леночке шуба нужна!»

«То есть это эксперимент такой, над человеком? – Лёва надеется свести все к шутке. – Ищем эмпирическим путем порог чувства голода в повседневной ситуации? Только боюсь, Клавдия Степановна, что вы его уже нашли. Но если цель – адаптация организма к отсутствию пищи, тогда, конечно, надо продолжать». Но к шутке свести не получилось, никто не умилился, звонкого Леночкиного смеха с полагающимися здесь поцелуями и объятиями не последовало. Леночка смотрела на непроницаемое лицо своей матери и переводила, озвучивала это ее молчание – возмущение, крик, злые слезы.

Той еды, что с огорода, им было для него не жалко – если не заплачено деньгами, есть, сколько хочешь. Лёва честно пытался, но от всех этих огурцов-помидоров заработал такой гастрит! А колит... он и представить не мог, что бывает такой беспощадный и долгий колит. А им, опять-таки, было жалко денег на лекарства. «Эта стратегия ложная, – Лёва все еще пытается быть невозмутимым и ироничным, – сэкономленное на моей еде тратится на фармакологию, коэффициент один к двум как минимум, естественно, в пользу фармакологии». В ответ пунцовое от гнева лицо Леночки, злые слова и слезы.

Они знали – каждый съеденный Лёвой кусок мяса (а ему нужно мясо) это *не купленная* блузка или же кофточка, это отложенная еще на какое-то время шуба. «А Леночке надо! У них в библиотеке все в шубах! Потому что мужья обеспечивают. На двух-трех работах вкалывают, но обеспечивают». «А шуба, Клавдия Степановна, она из

кого делается?» Из мутона, отвечают Лёве. «Вот именно, – радуется Лёва, – Из мутона, а не из него, Лёвы. Так что дайте поесть».

Тёте Клаве была непонятна и смешна специфика Лёвиного пищеварения. «В русском желудке и долото сгниет», – пожимала плечами она. Лёва даже и не обижался, видел, для нее смешно и нелепо все, что ей непонятно. «Что ж за желудок у тебя такой, что не может никак без мяса? А если он завтра вдруг без черной икорки не сможет, а?» – Леночка чрезвычайно ценила свой сарказм. Лева не очень здесь понимал ее: она со слезами на глазах слушает Моцарта, могла заплакать на улице над бездомным котенком, а тут... Любое его недомогание ее раздражало. Болезнь Лёвы (а он был болезненный) понималась как способ уклониться от работы по саду. Здесь какой-то инстинкт. Они с мамой как те птицы в стае, что начинают клевать заболевшую птицу, чтобы не ослабляла стаю. Но Леночка же так хотела этого брака! И мама ее хотела, в церковь ходила, молиться пресвятой Богородице, они с Леночкой улыбнулись, конечно, но были тронуты. «Ну, если сама Богородица на вашей стороне, я сдаюсь», – говорил Лёва, и Леночка была счастлива. Они с матерью льстили ему, теперь Лева понимает. Льстили густо и чуть было не развратили его своей лестью. А теперь упрекают за то, что он ничего не может «своими руками». Вызов сантехника – это в зачет того куска мяса, который он наказал купить – сие не гипербола, реальность, которую ему хотели навязать.

«Ты, Леночка, давай-ка пока без детей. Мало ли что», – решила тётя Клава.

Стоило ему купить книгу, и все становились несчастными. Леночка считала, что ему незачем уже читать, и так умный. (Кстати, продолжала хвастать перед подругами его остроумием и умом.) Предлагала драматичный, можно сказать, экзистенциальный выбор: книга или мясо. Мама Леночки видела дело так: выбор между книгой и едой решается в пользу шубы.

Лёва, в общем-то, не поддавался, покупал себе лекарства, заставлял их брать ему все то же мясо (будь оно неладно), книги, если нельзя было найти в библиотеке, несмотря на их вопли, покупал. (Тут все же имело значение, что его зарплата учителя была больше Леночкиного заработка библиотекаря.) Леночка боролась с ним теперь уже не только ради денег – из принципа. Тётя Клава на все это смотрела скорбно, но на лице ее было написано: «Муж лучше, нежели отсутствие мужа». Лёва не очень понимал их отношения матери-дочери. У них, казалось, были какие-то старые обиды друг на друга (сколько бы Леночка ни говорила о том, как она неизъяснимо нежно любит мать, это так, дабы лишний раз показать свою «повышенную одухотворенность»), они явно устали друг от друга, но против него, Лёвы, выступали настолько сплоченным фронтом. Несмотря на все свое университетское образование, которым Леночка так кичилась перед матерью, ценностная основа у них была общая. Леночка эти ценности защищала от Лёвы даже с большим остервенением, чем тётя Клава. Когда он сказал ей об этом, она страшно на него кричала.

Лева допустил одну ошибку. Он пытался объясниться с ними, он пытался *им объяснить*. Объяснить тёте Клаве, у которой не хватало денег на нормальное питание для заболевшей рахитом дочки, потому что заработанные тяжелейшим, беспросветным трудом деньги шли на покупку каких-то ковриков, тряпок?! Объяснить женщине, которая, как бы ни измывался над нею и ни унижал ее муж, выстроила уклад своей семейной жизни так, как нужно ей?! Лёва пытался их убедить, и за это они стали его презирать.

Поначалу Лёве было даже интересно. Интересна сама «ситуация», и он сам интересен себе «в ситуации». Как ему было стыдно потом за этот свой «интерес»! Не хватило зрелости, мужества, ума понять сразу: жизнь бездарна и он бездарен, а сок, свет, воздух уходят. А он, если словами любимого его Достоевского, вроде как «полюбил страдание», «стал интересен себе в страдании». Хорохорился, даже пытался глумиться над Леночкой с тётей Клавой. Только такое отвращение к себе самому от того, что уж очень бездарно и мизерно-мелко это его «страдание». Как нелеп и беспомощен он в этих своих потугах глумиться над Тётей Клавой с дочерью. И чувство, что еще немного, и он станет этому всему под стать, сравнивается масштабом, вращается так, что не оторвать. Этот мерзкий,

отвратный вкус проживаемой жизни, выпотрошенной души. Чувство такое, что он уже скукоживается, старится.

Соскоблить с себя всю эту слизь. Бежать? Пусть непонятно куда, лишь бы только бежать.

Леночка почувствовала и принялась говорить о том, что, если он вдруг (чисто теоретически!) ее бросит, она покончит с собой. Была убедительна и красноречива. Верил ли он ей? Почти что верил. Потому, что глупый. Потому, что ему выгодно было верить – он боялся развода, всех этих воплей и слез, и квартиру теперь непонятно как делить. Сил и нервов не хватит. Физиологии его не хватит на все это. А отец говорил, что уходить надо не просто так, а к кому-то. Мама же предлагала дать Леночке шанс. Пусть Лёва попытается ее воспитать хотя бы за год. А если уж не получится, тогда действительно будем думать о разводе. То есть родители не хотели, чтобы он возвращался к ним. Ну, да, они уже старенькие и хотят, наконец, пожить для себя. Он их понимает. К тому ж у них свои болячки, им надо заниматься болячками.

Итак, поверив, что Леночка может покончить с собой, он отложил пугавший его развод на условиях собственного великодушия и морального превосходства над Леночкой, продолжив смаковать жалость к себе самому, вот так вот, до сблева. А Леночка и тётя Клава уже совсем перестали стесняться.

Он понимал, что между ними происходит недоразумение. Очень серьезное, глубокое, конечно, но всего лишь недоразумение. Так, когда Леночка заходится от гнева, кричит, оскорбляет, он считает, что рушится с грохотом его семейная жизнь, а для Леночки это способ такой общения по ходу этой самой жизни. Бывало, прооравшись, брызнув гневными слезами, плюнув в него такими словами как «сволочь», «мразь», сядет в кресло с томиком Ахматовой. Через час встает с вдохновенным лицом: «Казалось бы, все уже наизусть знаешь, а прочла, и музыка чудных строк звучит в каждой клеточке моего тела, и я знаю теперь, как мне жить! И я счастлива, полна жизнью, живу в дивном мире высоких чувств...»

У Лёвы закрывают его гуманитарные классы. Одно руководящее мурло в департаменте образования провозгласило: «Время экспериментов закончилось», и руководство школы, что так радовалось Лёвиным новациям, потому как надеялось получить статус гимназии, стало Лёву выдавливать – унизительно, мерзко и муторно, как умеют это делать в школе. Леночка с мамой быстро исчерпали меру своего сочувствия; жаль, конечно, но что сделаешь, а жизнь продолжается, своих забот полно. Впрочем, Лёва здесь и не удивился. Только родители прониклись этой его неудачей. Да! о родителях: Леночка с тётей Клавой его родителям не доверяли. Любой их совет, любое их мнение воспринимали как вмешательство, уступишь им – на шею сядут. «Как смеет твоя мать мне указывать!» – негодовала Леночка. В отношениях с самими родителями приличия они соблюдали. Но родители как-то поняли, почувствовали и устранились. Не говорили теперь им ничего. Тут Лёва даже сочувствовал тёте Клаве, в ее жизни было так мало добра, и еще меньше она его видела от родни. Он и папе с мамой своим объяснял, просил проявить терпение. А тётя Клава считала, что у его родителей кое-какие денежки есть, но они не хотят помогать молодым. Да, она помнит, машина, квартира Лёвиного дедушки, помнит-помнит (это она отвечает Лёве). Но ведь это когда было?! А сейчас (для нее существует только «сейчас») чего не помочь, ежели их сыночек школу свою теряет. Конечно, она понимала, знала, что Борис Львович и Дора Марковна пенсионеры – она всю жизнь проработала участковым терапевтом, он инженер. Но где-то глубоко, в подкорке сидело: у *них* не может не быть денег. Леночка с ней была не согласна, насмехалась над матерью, но разве ее переубедишь.

Лёва становился занудным и склочным. Приставал к ним, придирался, цеплялся. Требовал с них. Только требовал что? Получалось, требовал понимания, счастья. Вымогал, выклянчивал счастье.

У Лёвы наметились отношения с одной учительницей в их школе. Эффектная, доброжелательная, разведенная. Он чувствовал, еще немного – и он ею увлечется. Но что в ней? Узость, тщеславие учительницы, полный набор предрассудков этой среды. К тому же еще и не было ничего, а у него уже беспокойна совесть. Сама же учительница, как только поняла, что Лёва попал в немилость у школьного руководства, потеряла к нему всякий эротический интерес.

Лёва не всегда оставался с ними на выходные в деревне. Отвезет Леночку с матерью и возвращается в город. Он так поставил себя, что участвует далеко не во всех их сельхозработах. Они смирились. Эти два, точнее, полтора дня были его временем. У него появлялось личное пространство, он мог молчать. А как ему работалось тогда! Диссертация уже почти готова. Лёва как соискатель нашел себе хорошего научного руководителя, то есть тот по равнодушию своему и веселому цинизму ничуть не ограничивал его академическую свободу. А половину своих эссе он переписал. Там все же была идейная заданность, теперь для него это ясно. Эта его свобода от собственных, так тяжело ему давшихся открытий и мыслей... Жаль только, что все это есть отдушина от Леночки с тётей Клавой, унизительно как-то.

А еще, пока их нет, он ходил в супермаркет и брал себе что-нибудь вкусенькое. Однажды купил любимый свой торт «ежик», съел его за два дня, не торопясь, в удовольствие. Вернулась Леночка и сразу же стала проверять мусорное ведро. Когда обнаружила коробку из-под «ежика» (она лежала где-то уже ближе ко дну ведра), подняла такой скандал, будто у мужа не картонку от тортанашла, а презерватив, не на жену израсходованный.

Она во всем себя ограничивает, экономит, а он!

Секс сглаживал у них острые углы только лишь в самом начале. Нет, кое-что из ее обаяния еще действует на него временами, но он уже знает, главное, стержневое в Леночке не обаяние, не трогательная ее дурашливость, не проказливость и даже не сентиментальность, не «повышенная одухотворенность», а эти ее пунцовые от гнева щеки, ее жидкая злоба... Он легко мог представить ее в старости. И самое печальное, что для этого не требовалось особого воображения – в старости она будет такой же.

Однажды ему приснилось, что он трахает старуху. Сон был из тех, который смотришь и не знаешь, что это сон. Уверен, что правда. Трахает ее с отвращением, грубо... и все эти подробности старческой анатомии. Потом поворачивает ее к себе, а это Леночка. Леночка в старости.

Лёва переспал с женщиной. Чего добивался? Утешения. С утешением не получилось. И еще, он не сразу понял, ему хотелось быть виноватым перед Леночкой. Чувство вины поможет примириться хоть как-то с тем, что собой представляет Леночка, с тем, что есть вся эта его семейная жизнь?! Но они уже дожили до такой отчужденности, что угрызений совести из-за измены у него не возникло. Вообще никаких.

Дора Марковна время от времени пыталась влиять на Леночку. Ненавязчиво, как ей казалось (!), исподволь. Бывает, пригласит сына с Леночкой «на чаепитие» и, когда к слову придется (а к слову придется обязательно!), начнет ей читать Мандельштама. Наизусть, с комсомольским задором (она всех поэтов читает с комсомольским задором): «В прекрасной бедности, в роскошной нищете...» Леночка сидит, сдерживается. Особенно ее бесит «Покуда с нищенкой-подругой я наслаждаюсь величием равнин, и мглой, и голодом, и выюгой...» По возвращении домой, конечно же, выскажет Лёве все.

Лёва начал «бомбить» на отцовской машине. Решил попробовать, и вроде пошло. Если закроют его гуманитарные классы (а их уже скоро закроют!), может, уж лучше так, нежели идти в массовую школу, где главное уметь держать дисциплину и подлизываться к начальству. Может, лучше до защиты кандидатской зарабатывать так, чем заниматься таким вот бессмысленным и унизительным учительским трудом?

Тётя Клава довольна. Конечно, он мог бы зарабатывать втрое больше, если б не торчал в своей библиотеке, а то только по ночам калымит. Ну, да ничего, бог даст – втянется. Почувствует копейчку и втянется. Копеечка, она такая, за собой поведет.

И в то же время тетя Клава понимает, что взялся зятек не за свое дело. Ничего, как-нибудь. Главное, чтобы к вокзалу не подъезжал, там шоферюги побьют.

Вскоре купили Леночке шубу. Тётя Клава провозглашает новую цель – ковер на пол, в залу. Чтобы пушистый такой и во всю комнату. В ответ на Лёвино недоумение: «Пока человек живой, всегда что-то надо». Эту мысль она часто повторяла Леве, то тяжеломерно и назидательно, то с юмором. После ковра запланирован новый диван.

Лева теперь добился того, что ему покупают творог и мясо без скандала. Он теперь зарабатывает. Правда, тётя Клава норовит взять на рынке кусок подешевле и чтобы побольше костей, а разницу в цене между таким и хорошим мясом откладывает на благо семьи. Лёвке вникать некогда, он то калымит, то отсыпается, то пишет. То, что он пишет диссертацию, она, между прочим, ценила. Как же, будет не пыльная работа в институте, уважение вроде бы тоже будет. Но эта его книга... Леночка сказала, он пишет для себя и только. А тётя Клава и сама догадалась, денег за книгу не будет. Чего тратить время на пустое?

«В борьбе обрел я мясо свое», – острит Лёва. Он теперь еще больше стал острить. Пытается доказать себе, что есть ироническая дистанция, что он *над ситуацией*. Только какое там! Ему не удастся обмануть себя. Столько открыл мелкого, склизкого в себе за такую недолгую семейную жизнь.

Тётя Клава видит, что Лёвка стал наглее, чувствует себя почти что хозяином. Пускай. Главное, что начал жить *по ее*. В переводе это значит: принял ее уклад, их с Леночкой цели и смыслы. Своим не стал, но *уклад* принял. Значит, все ж таки будет ее доченьке счастье. А чего еще ей, Клаве, надо?! Пусть Леночка будет счастлива. А она тихо так, скромненько доживет в своей комнатке. Детям все делает, подает, накрывает, дом и сад на себе везет. Пусть Колька, брат, насмехается сколько ему влезет. Говорит про нее «служанка, домработница». Пускай. Все правильно. Все хорошо. Чего еще надо? Вот и становится все *по ее*. Значит, все сбудется. Уже сбылось.

Лёва калымил всю ночь. Решил поехать отсыпаться к ним в деревню. После гари, копоти города захотелось воздуха. Отоспится на воздухе. В городе лето душное, жаркое, а там... Отоспится, потом пойдет гулять, бродить по окрестностям. Там холмы, виды, насколько хватает глаз, а в долинах ручьи и прозрачные рощицы. Но поспать ему не дали. Им вчера привезли машину кирпича для новой печки, кирпич надо укладывать. Леночка, как у них всегда бывает, прочла на непроницаемом лице мамы «указание» и пошла будить Лёву. С шутками, дурачась, растолкала его, чтобы шел работать, помогал. Скандала не произошло только потому, что приехал дядя Савва, старший брат тёти Клавы. Он старше и ее, и дяди Коли. Лёва любил дядю Савву. Тот был добрый, тихий старичок. (Ну как старичок – чуть-чуть за шестьдесят. Но для деревни это возраст.) Живет дядя Савва в пяти километрах отсюда, когда нужна его помощь, тетя Клава едет за ним на автобусе, тот приезжает и все делает. Если есть возможность, то и сыновей своих берет с собой. Но чаще, конечно, работает один. Вроде тщедушный такой, а не знает усталости. Потом ему надо сесть, выпить стаканчик и поговорить. Говорит он о своем житейском, повседневном, и в каждом слове, в жесте, в улыбке явственны добродушие, доброта... и даже не его только, дяди Саввы, доброта, а доброта вообще... может, даже чистота доброты. Лёве он напоминал Платона Каратаева (раз уж нельзя никак без подобных ассоциаций). О жене своей, Тане, он говорил с легкой иронией, пожимая плечами, дескать, что ж сделаешь, даже будто сочувствовал ей. Но все знали, что его Татьяна свирепствует. К примеру, не так давно высыпала ему на постель полмешка картошки. Тётя Клава в резких выражениях осуждала «воблу-Таньку». Дядя Савва примиряюще улыбался, дескать, ладно, чего уж, что с нее взять, он привык.

Месяцем ранее тётя Клава нанимала Марусю, крышу над банькой надо было починить. С Марусей двое рабочих, она у них бригадир. Крепкая, бойкая баба, с быстрым умом – пока ее рабочие только соображают, как бы тут лучше сделать, она уже точно знает «как». Тетя Клава рассказала Лёве, что Маруся когда-то была невестой дяди Саввы, но он так и не решился на ней жениться, потому, что она вдова. За столом, когда тётя Клава угощала Марусю после работы, та посмеялась над давнишним грешком дяди Саввы перед ней: «Не женился, потому, что ему девочку хотелось. Вот и получил девочку! Он уж и забыл, как выглядит, – она назвала словом ту деталь женской анатомии, внешний вид которой уже забыл дядя Савва, – а я мужику своему завсегда дам, и стакан налью, ради бога! и сама с ним выпью».

Проголосовали трое. Двое сели назад, третий на переднее сиденье. Когда приехали, расплачивался один из тех, кто был сзади, деньги сунул как-то неловко, Лёве пришлось повернуться к нему вполоборота, чтобы принять купюры. Тот, кто сидел рядом, ударил два раза Лёву в живот. Лёва успел понять, что это нож.

Ему повезло, появился милицейский «газик», и они не успели ни добить его, ни угнать машину. Убежали дворами.

Лёвы пробиты желудок и поджелудочная. В больнице Леночка рыдала над ним, тётя Клава тоже плакала. Леночка причитала, что любила бы его даже, если б он остался без рук, без ног. Еще больше любила бы! Леночка поочередно с мамой носила в больницу супчик, когда врачи разрешили ему суп. И с родителями Лёвы они теперь вроде бы сблизилась. Лёва не обольщался под впечатлением минуты, но был тронут. Конечно, тронут. И появилась надежда, что у них с Леночкой начнется некий новый отсчет. В конце концов, ей и тёте Клаве тоже было нелегко с ним, он много попортил им крови.

Как только оказался дома, отношение к нему изменилось. Ну, да, он теперь перестал быть «добытчиком». Теперь будет только учительская зарплата. Страх за него у них уже прошел. Леночка от роли любящей жены взяла, кажется, все, что могла дать роль. Пусть она даже была в этой роли искренна. Но это именно роль. Физически зависеть от Леночки с тётей Клавой (некоторое время после больницы он зависел от них физически) оказалось довольно-таки унижительно. Они не боролись с ним, ничего ему не доказывали, сочувствовали, может даже, в той мере, что им отпущена, любили. Просто у них так само собой получалось – презрение к неполноценному, ставшему обузой члену стаи, исполнение тягостного долга, с упреками, жалобами на судьбу, раздражаясь. Только у Леночки упреки чередовались с выспренными словесами. Словесами она камуфлировала тот простой и незамысловатый факт, что ей в заботах о Лёве не хватает терпения. Тетя Клава призывала ее терпеть.

Лёва сказал тёте Клаве, что вот ее мечта и сбылась, ему предстоит целый год питаться одним лишь жидким овсяным супом.

Лёва в деревне, «на восстановлении», был в день, когда объявили: Ельцин победил Зюганова. Дядя Савва как раз работал у них. Дядя Коля с тётей Шурой были на своем участке, подошли к забору «обменяться мнениями». Дядя Коля всегда насмехался над Ельциным, к тому же не мог простить ему потерю державного величия, но проголосовал за него. Он впервые в жизни работает на себя, а не на государство, у его Сашки торговая точка на рынке, и дела идут в гору. Тетя Шура начинает с пафосом о том, какая у Сашки на рынке справедливая, честная «крыша», платишь, и никто тебя не тронет. Дяде Коле по итогам выборов приятно, что он оказался в большинстве, с большинством. Дяде Савве не нравилась новая жизнь. И Ельцин ему не нравится. Раньше все было вроде как правильно, а теперь... председатель в прошлом году пустил под нож колхозное стадо и купил себе машину. Как ее? «Тойоту». Нет, не нравится ему эта новая жизнь, ни (матерное слово) не

нравится. Но проголосовал он за Ельцина. Потому что председатель приказал. Дядя Савва работает сторожем сельхозтехники, зарплату ему давно уж не платят, но председатель разрешает ему сливать с этой самой техники бензин и солярку (воровать то есть). Дядя Савва продает это топливо, на жизнь худо-бедно хватает. Председатель скажет, дядя Савва идет на уборку свеклы. Опять же, не за деньги, а за право сливать солярку с тракторов. Как тут не послушаться, когда он велел голосовать. Тётя Клава высказалась в том духе, что пожилые при коммунистах, и хватит. А господа всегда будут. Господам всегда хорошо, жизнь устроена так.

Лёва гуляет по лугу, что начинается сразу за их участком. Ночь. Все давно уже спят. Этот густой хор цикад и звезды. Звезды, звезды. Как бессильна была бы сейчас любая метафора. Жизнь, бытие, реальность – надо только им не мешать, не заслонять бездарными своими пустяками.

Лёва уже чувствует себя совсем здоровым. У него прошла предзащита. Его эссе сложились в книгу, ему, кажется, удалось. Удалось то, чего он от себя и не ожидал. Скоро начнет рассылать рукопись по издательствам. Просто надо кое-что подправить в эссе о Булгакове и сократить, все-таки будет еще сократить главу о Толстом.

Решил подработать. Немного, конечно. Он теперь подает объявления в «Из рук в руки» и ждет звонка от клиентов, зарабатывает меньше, но так получается безопасно. Да и ездит он теперь недалеко, по нагорной части города и только. (От родителей скрыл. Зачем их волновать?) Он определился – он уходит. Сейчас заработает сколько-то, оставит им деньги, и все. Как смешны и нелепы все тогдашние его страхи. И боязнь развода тоже нелепа, смешна. Он свободен. Это его предвкушение обновленной собственной крови. Лимфы и крови.

Позвонили, попросили отвести за город. Лева хотел отказать, но вдруг решился. Почему бы и нет, в самом деле?

Он везет семью на дачу; муж, жена, совсем молодые, и двое детей. Так и хотелось спросить их о любви и смысле, или же ляпнуть какую-нибудь глупость о человеческом нашем предназначении, или просто не взять с них денег.

Он возвращался по грунтовой дороге (так быстрее, срезает угол), этот его «жест» – оставить Леночке с матерью деньги и уйти, был излещен и жалок, он понял сейчас. Все равно предстоит размен квартиры и прочее... Ладно, все ерунда – впереди жизнь, доподлинная, настоящая, с красками, плотью, запахами. Впереди реальность – надо просто постараться быть с нею вровень.

Боль. Неужели? Там, внутри, открылось?! Его растрясло на сельской дороге. Не может быть! А до города далеко.

Леночка и тетя Клава рыдали, как и положено. Люди не осудят. И поминки прошли достойно. Жалко Лёвку, конечно, думает тетя Клава. Ой, как жалко! Квартира остается за ними, по всем законам так. Его родители не имеют прав никаких тут. (Уточнить, конечно, у юриста надо бы.) А вот насчет машины она не знает. Машина вообще-то принадлежит Борису Львовичу. Сейчас ему не до чего, но потом успокоится и потребует вернуть машину. Если б у Леночки с Левочкой был ребеночек, тогда б он машину точно им оставил. А может, и так оставит? Как-нибудь разжалобим. Костюм Лёвочкин, в котором он ходил на предзащиту, она продаст. Костюм хороший, его возьмут по нормальной цене. Надо только его из шкафа убрать в кладовку. Борис Львович и Дора Маркова придут, чтоб взять что-нибудь из вещей на память о сыночке. И ведь не откажешь. Откроют шкаф, а там костюмчик, его и возьмут. А ежели он будет тихонько себе лежать в кладовочке, они о нем и не вспомнят. Жалко-то Лёвку как! Такой был мальчик! А с Леночкой что? Как-нибудь. Как-нибудь. Главное, что она с квартирой. Да и девушка без ребенка, по нынешним временам уже достоинство...